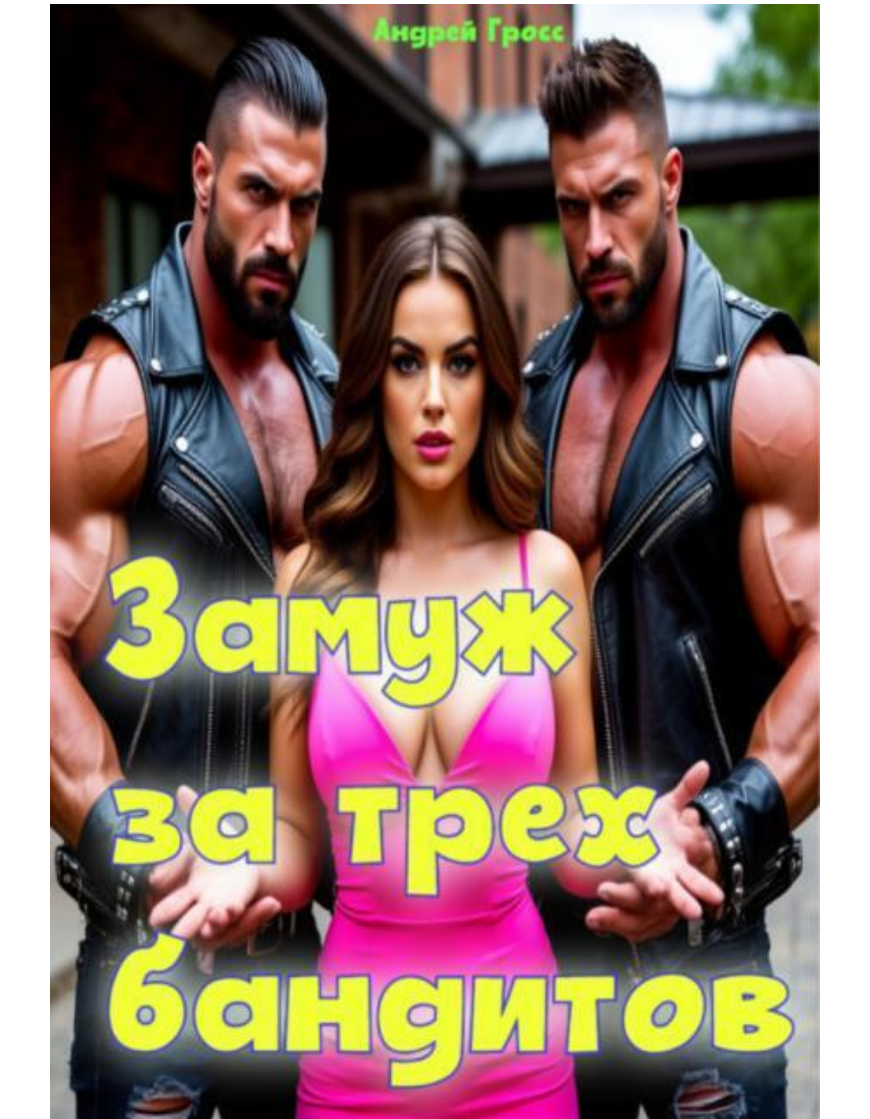

Андрей Гросс

A woman with long brown hair and pink lipstick stands in the center, wearing a bright pink, low-cut, form-fitting dress. She is flanked by two muscular men with short, dark hair and beards. They are both wearing black leather vests over their bare chests and have their hands outstretched towards the woman. The background is a blurred outdoor setting with a brick building and greenery.

Замуж за трех бандитов

Андрей Гросс

Замуж за трёх Бандитов

<https://litres.ru/74227299>

Аннотация

Один «Бандит» на крутом мотоцикле вызовет у меня восхищение. Два — заставят меня затаить дыхание. А три? Три — и я уже не смогу отвести от них глаз. Жизнь рядом с бандой «Сыны анархии», где все носят потрёпанные кожаные куртки, джинсы с низкой посадкой и мощные красивые тела покрыты великолепными татуировками, всё это должно было бы стать источником вдохновения для создания моего чувственного любовного романа. Но всё пошло не так, как я планировала! Очень горячо ♥️#18+ # ММЖМ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	44
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Виктория

— Черт! Лопата едва погружается в землю. — Я ставлю ногу на верхнюю часть штыка лопаты и подпрыгиваю, всем весом раскачивая лопату вперёд-назад. — Гребаные корни!

Старый деревянный черенок лопаты зловеще скрипит, но твёрдая, слежавшаяся земля наконец сдаётся. «Победа!» — кричу я, когда моя задница плюхается на траву, ноги подпрыгивают, а комья земли разлетаются во все стороны. Я на секунду замираю, боясь, что меня в этот момент кто-то услышал, но из соседнего дома доносится такая громкая музыка, и я почти уверена, что ребята там меня не услышат.

С болезненным стоном я пытаюсь встать и отряхиваю комбинезон. Не могу поверить, что люди делают это ради отдыха. Если бы я не пообещала себе, что к концу лета соберу хоть какой-то урожай с этого чёртова огорода, который достался мне в наследство от бабушки, я бы уже давно сдалась. Привести в порядок бабушкин двор оказалось ещё намного сложнее, чем огород. Ну, теперь это мой двор, наверное. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что это место принадлежит мне.

Ух ты! Что это?

Под вывороченным комком корней, оставшимся от давно засохшего куста роз, в грязи виднеется что-то белое. Я

наклоняюсь вперёд, чувствуя странное покалывание в животе, и протягиваю руку, чтобы смахнуть с земли то, что там спряталось. Я поднимаю странную на вид палку и провожу большим пальцем по белому пятну.

— Ха. Это странно... — произношу я, а затем мой леденящий кровь крик разносится по округе, когда я отбрасываю эту штуку и отползаю назад, потому что ноги мои подкосились и бежать я не могу.

Я не врач. Чёрт, да я с трудом сдала биологию в старших классах, но теперь, когда я знаю, на что смотрю, я ни с чем не спутаю верхушки гладких изогнутых костей, которые прятались под этими чёртовыми розами, которые я решила выкопать. Это рёбра! И, судя по их размеру, они вполне могут принадлежать человеку. Я хватаю лопату, как будто она поможет мне защититься от армии нежити, которая вот-вот выползет с моей лужайки, потому что я потревожила их могилу.

«О, блять! Да ну нах...», — повторяю я в ужасе. Забудьте о весеннем солнце, которое обжигает меня, — я дрожу от холодных капель пота, стекающих по спине.

Что я сейчас должна делать? Вызвать полицию? Адвоката? Своего лучшего друга? Священника? Или позвонить маме? Блин, я не знаю!

Не успеваю я принять решение, как трое здоровяков перелезают через забор с соседнего участка. Они работали над домом всю прошлую неделю, так что неудивительно, что они

без рубашек, но у меня всё равно отвисает челюсть при виде их загорелой кожи и татуировок. Все они осматривают двор, готовые надрать кому-нибудь задницу.

Я бы, наверное, больше наслаждалась их видом, если бы не была так сосредоточена на потенциальной жертве убийства у себя на заднем дворе.

— Что случилось? — резко спрашивает самый высокий.

Его длинные тёмные волосы стянуты кожаным ремешком, а массивная татуировка в виде Змея обвивает весь его торс. Татуировка настолько детализирована, что кажется, будто Змей вот-вот выплюнет огонь. Он худощавый и сильный, с резкими чертами лица и бледным шрамом на шее. Шрам начинается за левым ухом и выглядит так, будто ему повезло, что он не убил своего владельца.

Я указываю в сторону своей ужасной находки. «Там... кости...»

— Кости? Второй мужчина смотрит на меня ярко-голубыми глазами из-под бейсболки с камуфляжным принтом. Его широкие плечи образуют идеальную V-образную форму, которая сужается к рельефному прессу. Руки покрыты чёрными татуировками, а короткую тёмно-русую бороду венчает квадратная челюсть. Поношенные джинсы обтягивают его мускулистые бёдра, когда он подходит ближе, чтобы рассмотреть меня, и над его упругой задницей отчётливо виден потускневший контур ремня.

— Тише, девочка, — говорит третий мужчина глубоким,

ровным баритоном, подходя ко мне. — То, что ты нашла, уже очень давно не представляет никакой опасности. Пусть Череп и Змей проверят. Как тебя зовут, милая? Посмотри на меня. — Его тон мягкий, но он привык, что ему подчиняются.

Я смотрю в его глубокие зелёные глаза с коричневыми краплениями, похожими на мох на лесной подстилке. Его рыжевато-каштановые волосы коротко подстрижены и выются, но в нём нет ничего мальчишеского. Ни чёрных серёжек в ушах, ни носа, который выглядит так, будто его давно сломали, а он сам его починил. Но он каким-то образом для меня привлекателен. Все они привлекательны в том смысле, что «это не лучшая идея, связаться с таким парнем, но, может быть, оно того стоит».

Я провожу рукой по штанине, всё ещё ощущая хрупкую сухость кости под пальцами. — Вик..тория!

— Милое имя для милой леди, — говорит он с ухмылкой. — А я Ворон.

Я смотрю на холм за моим участком, на массивную кирпичную стену, которая окружает территорию мотоклуба «Сыны Анархии». Не самые приятные соседи, но когда мои бабушка с дедушкой приобрели этот дом на этой улице, за ним располагалась территория старой церкви Богоматери Неустанного Милосердия. Сейчас там, вероятно, обосновался «Байкерский» мотоклуб, но если ты унаследовал дом, то

ты должен сделать так, чтобы твое наследство не пропало. Даже если это сопровождается постоянным рёвом моторов, выстрелами из их — не может быть, чтобы это было законно — оружия и вечеринок, от которых могут проснуться даже мёртвые. Я перевожу взгляд на двух других мужчин, которые внимательно изучают скелет в земле. Ладно, мёртвых может они и не будят, но шумят по ночам действительно сильно.

Кроме того, я переехала сюда только в прошлом месяце, но за эти годы я многое узнала как от бабушки, так и от моей подруги Грейс, которая жила дальше по улице до того, как «Сыны Анархии» начали скупать недвижимость в этом районе, всё, до чего могли дотянуться.

У меня замирает сердце. Я такая идиотка.

Мне только вдруг пришла в голову мысль, от которой у меня поползли мурашки по коже. Меня вдруг осенило — а ведь это они, эти трое байкеров, могут быть причиной того, что на моём заднем дворе зарыты человеческие останки. А я их только что откопала!.. Интересно, сколько дней пройдёт, прежде чем кто-нибудь заметит, что я пропала?

— Ты в порядке? — спрашивает Ворон. Он подходит чуть ближе и кладёт тяжёлую руку мне на плечо, притягивая меня к себе. — Я не виню тебя за то, что ты немного напугалась. Скорее всего, ничего страшного тут не произошло, скелет, скорее всего, очень старый, но надо признаться, найти такое, когда пересаживаешь цветы, довольно жутковато.

— М-м-м! Это... — слишком громко мычу я и слишком быстро киваю, прижимая к себе лопату. — Может, вызовем полицию? — нервно спрашиваю я.

Ворон фыркает.

— Ментов звать — это западло!

— Это точно! — одобрительно кивают два других.

Его рука не то чтобы мешает мне отодвинуться, но очевидно, что он держится поблизости, и я не уверена, пытается ли он меня утешить или хочет не дать мне сбежать.

«Вы что-нибудь видели?» — кричит он своим друзьям.

Тот, что в бейсболке, снимает её и вытирает лоб рукой. Это ведь Змей, верно? Было бы глупо, если бы парня с татуировкой дракона звали не Змей. Он откидывается на каблуки своих чёрных кожаных ботинок и держит в руке что-то, на что я стараюсь не обращать внимания, вдруг это ещё одна кость или что-то столь же отвратительное.

«Я, конечно, не уверен, но это определённо не моя кость. Слишком уж она целая», — говорит он со смехом.

— Что? — писклю я, пытаюсь отстраниться, но рука, обнимающая меня, сжимается ещё сильнее.

— Заткнись на хрен, умник! Ты пугаешь девушку, — резко отвечает Ворон. — Не слушай его, милая. Он просто шутит.

Можно подумать, это смешно!

Тот, кого я принимаю за Змея, игнорирует их, сосредоточившись на том, чтобы вонзить в землю лезвие пугающе

длинного ножа и что-то вытащить. Интересно, он получил своё прозвище из-за татуировки или наоборот. Но ещё больше мне интересно, что за жизнь он ведёт, раз постоянно носит с собой этот нож, и доживу ли я до того момента, чтобы узнать, что он нашёл.

Он не заставляет нас долго ждать. «Ну если только оборотни не существуют на самом деле, а так я думаю, всё в порядке». Его тихий смех такой же сухой, как кости, которые я нашла. Он поднимает обесцвеченную кость. Это часть длинной челюсти, в которой всё ещё сохранились зубы, явно не человеческие.

— Собака? — спрашиваю я, немного смутившись, но в то же время испытываю облегчение.

— Здоровенный пес, — кивая, комментирует Череп. — Это не обычная дворняга. Это был дом твоей семьи, верно? Ты не помнишь, чтобы у вас были домашние животные, которые могли бы подойти под это описание?

— Н... нет, — запинаясь, отвечаю я, сбитый с толку вопросом. — Откуда вы знаете, что это был дом моей семьи?

Он встаёт и направляется в нашу сторону, засунув руку в карман и склонив голову набок. «Не строй из себя дурочку, милая. Ты же знаешь, кто мы».

Это утверждение, а не вопрос, и я киваю.

«Тогда ты знаешь, что живёшь на нашей территории. Остальная часть улицы уже принадлежит нам. Мы пытались сделать предложение об этом месте, когда узнали о смерти

старушки, но твой адвокат нас отшил».

Я выхожу из-под защиты Ворон, чтобы немного отдалиться от него, и на этот раз он меня отпускает. «Она была моей бабушкой».

Он вздыхает. «Соболезную вашей утрате, милая. Не могу сказать, что был знаком с вашей бабушкой, но как соседка она казалась порядочным человеком».

Моё лицо краснеет, и я чувствую, как застилает глаза. Она прожила хорошую, долгую жизнь, и пришло её время, но я всё равно скучаю по ней. — Спасибо. Она была лучшей женщиной на свете.

Змей встаёт и присоединяется к своим приятелям. Не думаю, что они пытаются меня запугать, но им и не нужно этого делать. Когда они втроём возвышаются надо мной, я чувствую себя ничтожной и беззащитной по сравнению с ними. Одно дело — видеть байкеров где-то в этих окрестностях из далека, и совсем другое — когда трое из них стоят прямо передо мной. Я делала вид, что они не знают, что я здесь, но это явно не так.

Я делаю ещё пару шагов назад и сжимаю черенок лопаты так сильно, что у меня начинают болеть костяшки пальцев, а грубая древесина впивается в ладонь. «Что ж, спасибо за помощь. Мне жаль, что из-за меня вы отвлеклись от своих дел из-за такой досадной глупости».

— Да, не беспокойся, дорогая. Ты здесь совсем одна, такая молодая и прекрасная. Мы обязательно будем следить за

этим местом, — с улыбкой отвечает Ворон.

Интуиция подсказывает мне, что он говорит это в дружеском тоне, но я не уверена, что мне будет спокойнее от того, что за мной присматривают по-настоящему горячие, но явно опасные профессиональные преступники. — Э-э... спасибо?

Череп кивает. Его прекрасные голубые глаза обводят взглядом двор. «Нет проблем, но если вы вдруг решите продать свой дом, наше предложение всё ещё в силе».

Как будто я могла позволить себе переезд, даже если бы захотела. «Простите, но я не собираюсь переезжать. У меня здесь много воспоминаний, понимаете? Это не продаётся».

Он опускает взгляд на мои ноги, затем скользит вверх по моему телу и останавливается на лице. «Тогда, думаю, мы ещё увидимся, детка».

ЧЕРЕП

Я стучу костяшками пальцев в дверь помещения, где раньше священники занимались своими священническими делами, а теперь находится кабинет нашего главара Хелл-файра.

«Открыто!»

Внутри тихо играет музыка, доносящаяся из радиоприёмника в углу, а из витражного окна над головой на пол падает радужный свет. Президент клуба откинулся на спинку стула, положив пятки на стол, а ноутбук — на бёдра.

Он поднимает взгляд, когда я вхожу. «Что случилось?»

«Возможно, это ничего не значит, но я нашёл кое-что у

той пожилой дамы и решил показать тебе».

— Какого хрена ты там делал? — Он откладывает ноутбук в сторону, опускает ноги на пол и садится. — Там сейчас живет её наследница, она что все таки дом хочет продать? —

«Нет, и не похоже, чтобы она куда-то спешила. Мы работали в соседнем доме — ну, ты знаешь, тот, который Призрак и Сэвидж подыскивают для Джессики, — когда девчонка, наследница старушки, начала кричать, как будто её режут, и мы нашли её лежащей на траве в почти обмороке. Она думала, что выкопала человеческий скелет».

— Эту девчонку, насколько я помню, зовут Виктория? — ухмыляется Хеллфайр. — Вы с ней уже стали друзьями?

— Да, мы с ней почти лучшие друзья, — говорю я, закатывая глаза. Не то чтобы я был против узнать, так ли громко она кричит в постели. Судя по всему, под этим комбинезоном у неё было чертовски сексуальное тело. — Скелет в земле действительно был, вот только не человеческий! Невидишь ничего знакомого? — Я без лишних церемоний кладу свою находку на стол Хеллфайра. Вместе с костями в грязи лежал собачий ошейник, и одна из бирок привлекла моё внимание: это был военный жетон парня по имени Люсьен Таннер.

Как президент «Сынов Анархии», Хеллфайр занимается всем, что может оказать влияние на наш клуб. С тех пор как он сменил "Генерала", я вижу, как тяжким бременем это ложится на его плечи, и, чёрт возьми, не могу сказать, что завидую этому парню. Я готов быть только офицером, и даже

что бы пойти на это мне пришлось хорошенько подумать, прежде чем я согласился. После увольнения из армии я поклялся, что больше никогда не буду нести ответственность ни за кого, кроме себя, но некоторые вещи затрагивают меня до глубины души, и, чёрт возьми, я не могу просто сидеть сложа руки и молчать.

Он берёт в руки небольшой металлический жетон и проводит по нему большим пальцем, ощущая шероховатость поверхности. «Таннер? Чёрт, я уже давно не слышал это имя. Там были только кости животного?»

— Не знаю! Возможно, есть и что-то ещё, но если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что это останки собаки. Глубина захоронения позволяет предположить, что кто-то намеренно их спрятал, но не настолько глубоко, чтобы скрыть тело человека так, чтобы его не нашли. Скорее всего, какой-нибудь местный житель обнаружил во дворе мёртвую собаку и позаботился о ней, просто закопав её. Я бы и не подумал об этом, если бы не увидел жетон. Таннер. Это был один из наших, верно?

— Да, — Хеллфайр откидывается на спинку стула и потирает затылок. — Это было до тебя. Я был ещё новичком, а Таннер уже пару лет как в деле. Он был чертовски вспыльчивым. Ему не нравилось, что Генерал всерьёз взялся за клуб и начал всё организовывать на свой лад. Что-то произошло между ним и Генералом после рейда, который обернулся провалом, но когда он исчез, большинство из нас решили,

что он просто ушёл. За ним повсюду следовала огромная псина. По моим прикидкам, это помесь мастифа и, черт знает, какой ещё адской гончей.... Я поговорю с Бонни. Она может знать больше. Пока держите это в секрете, ребята, хорошо? Не стоит давать мальчикам повод для пустых домыслов.

Я киваю. «Да, сэр».

Он фыркает. «Блять! Не поясничай, мы с тобой уже не в армии!».

Я пожимаю плечами. Для таких, как мы, людей, живущих вне закона, необходима иерархия. Многие из нас оказались здесь, потому что не смогли адаптироваться к обществу. Мы слишком выделяемся, чтобы вписаться в обычную жизнь.

Понимание того, кто здесь главный и что он может пустить пулю в твою голову, если ты перейдёшь черту, помогает некоторым людям чувствовать себя спокойнее. Это позволяет контролировать ситуацию. Хеллфайр знает это не хуже меня, а может быть, даже лучше. Ведь однажды ему уже пришлось нажать на курок.

 — Думаешь, девчонка создаст нам проблемы? — сказал он мне вспину когда уже собрался уходить. — Она уже задолбала нас своими отказами продавать, хотя она, чёрт возьми, единственная, кто в этом районе остался. Я удивлён, что она до сих пор не съехала, живя там одна. Если бы я не знал вас, ублюдки, я бы ни за что не хотел иметь вас в качестве соседей, а она всего держится!». — Хеллфайр засмеялся.

Я усмехаюсь в знак согласия, но её решение остаться вызывает у меня некоторое уважение, даже несмотря на то, что было бы проще прибрать к рукам клуб, если бы мы владели всей прилегающей территорией.

И это черт Такая застенчивая, немного необычная девушка из соседнего дома была бы мне идеальной парой до того, как я пошёл в армию и моя жизнь пошла по пути, который теперь отпугивает таких милых девушек. Если она захочет со мной замутить, я не против. Легко представить, как она снимает блузку под комбинезоном и как я запускаю руки под одежду, чтобы почувствовать её мягкие груди. Блять, о чем я думаю?

Хеллфайр почесывает подбородок и кивает.

— На всякий случай я хочу, чтобы ты и твои ребята присмотрели за этим домом. Ты сказал, что она с трудом справляется со своим двором. Как насчет того, чтобы предложить ей помощь?—

— Ты хочешь, чтобы мы, чёрт возьми, занимались садоводством? — спрашиваю я, прежде чем до меня доходит смысл его слов. — А, ты хочешь, чтобы мы убедились, что Таннер точно не появится под её помидорами.

Он постукивает себя по носу и указывает на меня пальцем, как бы говоря: «Именно!».

Рёв двигателей наполняет бывшую церковь и стихает, когда возвращающиеся наши братья и въезжают во двор. Через несколько мгновений в церкви хлопает дверь и раздают-

ся голоса. Я узнаю голоса вице-президентов ещё до того, как в церковь входит Сэвидж, а за ним по пятам — Гост. Они выглядят так, будто им не помешали бы сон, душ и, возможно, несколько швов на лице, но оба широко улыбаются.

Хеллфайр вскакивает на ноги. — Ты обеспечил доставку?

— Чёрт, да, именно так всё и было, — кивает Сэвидж. Он проводит рукой по своим коротким волосам и морщится, разминая узел, в котором, возможно, застряла засохшая кровь. — Видели бы вы остальных ребят.

«Там не должно было быть других парней», — рычит Хеллфайр.

— Без базара, — соглашается Призрак. Он не любит сюрпризы. — Не знаю, кто проболтался о месте высадки, но нас ждали какие-то стервятники.

«Раненые есть?» — спрашиваю я. На первый взгляд всё в порядке, но это не значит, что все вернулись.

Призрак качает головой. «Ничего серьёзного не произошло. Перестрелки не было. Мы их прогнали, и сейчас все товары перемещаются на склад».

— Хорошая работа, — рычит Хеллфайр. — Чафик потребовал бы крови, если бы мы пришли на передачу с пустыми руками. Я хочу, чтобы ты собрал для этого больше людей, и на этот раз я пойду с тобой. На кону большие деньги, и даже если бы их не было, мы, чёрт возьми, всегда защищаем своих. Ещё что-нибудь? Или я могу вернуться в свой чёртов кабинет?

Сэвидж качает головой. «От меня ничего не нужно. Я пойду поищу свою старушку. У меня есть немного энергии, чтобы потренироваться».

Призрак фыркает, но я замечаю, что он не возражает. Я бы чувствовал то же самое, если бы кто-то ждал меня после тяжёлой пробежки. Я не задумывался о таком, пока некоторые братья не начали претендовать на наших общих женщин. Конечно, всегда есть шлюхи, готовые снять напряжение, но иногда... Чёрт. Я думаю иметь постоянную женщину было бы неплохо. Старею что ли?

«Чем ещё я могу тебе помочь?» — с сарказмом спрашивает Хеллфайр, и я понимаю, что остался один.

«Да нет у меня всё в порядке». Я ухмыляюсь и направляюсь в свою комнату. Мне бы не помешал душ, и я мог бы просто помечтать о девушке из соседнего дома, которая носит только пыльный комбинезон.

Виктория

На следующее утро я закрываю глаза, отворачиваюсь и морщу нос, открывая письмо, которое игнорировала целую неделю. Когда ничего не происходит, я осторожно приоткрываю глаза, готовая в любой момент захлопнуть ноутбук.

Привет, Вика! Ты не знаешь, когда будет готов черновик первой части книги? Я делаю всё возможное, чтобы дать тебе время, но если ты хочешь уложиться в график весеннего релиза, я не могу тянуть до бесконечности. Я знаю, что это твоя первая книга с нами, поэтому дай мне знать, если я мо-

гу чем-то помочь, хорошо?

У-у-у, я чувствую себя такой виноватой.

Мой литературный агент Коллин — самый приятный и отзывчивый человек на планете, а я чувствую себя большой и толстой фальшивкой. То, что должно было стать моим большим прорывом в сотрудничестве с крупным издательством, превращается в сплошной кошмар.

Сколько себя помню, я придумывала истории. Книги — это, по сути, вся моя личность, и я всегда могла положиться на свой писательский талант, но теперь каждый раз, когда я сажусь за клавиатуру, мне кажется, что кто-то выдернул вилку из розетки моего внутреннего пишущего станка. Это не было проблемой, когда я писала свои книги о Ледяной Фее, серию для подростков, которую я издала за свой счёт и которая имела такой успех, что я даже не оглядывалась назад. Иногда я думаю, что мне стоит просто вернуться к тому, что я знаю. Это подростковые драмы и невероятно крутые, волшебно могущественные книжные бойфренды. Но я начала писать эту серию, когда мне было шестнадцать, а сейчас мне почти двадцать четыре. Я хочу, чтобы мои персонажи тоже повзрослели. Чтобы они ругались, дрались и занимались грязным, извращённым сексом столько, сколько захотят, и с кем захотят.

Но слова моего последнего парня до сих пор живут в моей голове, как демон, которого я не в силах выселить из своей головы, и заставляют меня сомневаться во всём, что я пишу.

Потому что, каким бы придурком он ни оказался, он задел меня за живое, когда я рассказала ему о своих планах.

— Серьёзно, детка? Ты такая ванильная, что на тебя без смеха не взглянешь, когда рядом только упоминают о сексе. Ты даже слово «член» произнести не можешь, не покраснев. Я думал, авторы должны писать о том, в чём разбираются.

Разозлившись, я захлопываю ноутбук и иду на кухню, чтобы выпить кофе. Пока я включаю кофемашину, набираю номер Грейс и перевожу телефон в режим громкой связи. Она моя лучшая подруга, и она читала всё: от безумных историй, которые я писала о жизни своих симов, когда мне было десять, до отвратительных первых набросков того, что впоследствии стало моей серией бестселлеров. Она одна из немногих, кому я доверяю и кто может высказать мне честное мнение.

Ей приходится ответить не с первого раза. «Привет, детка. Всё в порядке?»

— Пожалуйста, скажи, что всё хорошо. Я достаю из посудомоечной машины свою любимую кружку. Ту самую, которую Грэм подарил мне на прошлое Рождество с надписью «НАЙТИ ХОРОШЕГО РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ ТРУДНО» жирным шрифтом и «найти» строчными буквами внизу. — Мне правда нужно услышать, что всё не так плохо, как я думаю. Вообще-то, подожди секунду, кофемашинка включается.

Я не так давно живу в этом доме, чтобы что-то обновить,

так что кухня здесь как будто из середины двадцатого века, но приличный кофе — это для меня обязательное условие. Я потратила аванс на две вещи: переезд через всю страну и модную кофеварку. Как по сигналу, встроенная кофемолка включается, и звук перемалываемых зёрен не даёт услышать что-либо ещё добрых пятнадцать секунд.

Когда всё готово, я прислоняюсь задницей к глубокой раковине из потрескавшегося фарфора, стоящей перед кухонным окном, и жду, пока заварится кофе. «Хорошо. Иди».

«Мне нужно купить себе одну из этих машин. Я очень жалею, что не попросила об этом в списке подарков на свадьбу».

«Если ты будешь доставать мужа, то он тебе его обязательно подарит. Ты его на коротком поводке держишь». Грейс обрела ту любовь, о которой такие, как я, лишь пишут книги. Её муж Терри, может, и не ростом метр восемьдесят пять, не олигарх, и даже не с работой в сфере финансов, но я видела, как они с Грейс прижимаются друг к другу, как они улыбаются и бросают друг на друга украдкой взгляды и как он всегда рядом, когда она в нём нуждается. Её муж вот кто настоящий романтический герой, который отвечает всем требованиям.

— Может быть, — хихикая, соглашается она. Затем вздыхает. — Ладно, теперь о книге.

О нет, блин! Я знаю этот тон, он непредвещает ничего хорошего!

— Там всё плохо, не так ли?

— Нет! Неплохо,просто...

Не нужно было мне звонить. Сейчас мне необходимо, чтобы она подтвердила, что черновые варианты глав, которые я ей отправил, — это нечто выдающееся, что это самый страстный, чувственный и увлекательный роман из всех, что она читала. Хотя я прекрасно понимаю, что это не так.

«Все элементы на месте, но... не хватает этой твоей обычной искры»..

Я отворачиваюсь и смотрю в окно кухни, но на самом деле ни на что не смотрю. «Может, мне стоит попробовать другой жанр. Уютные детективы сейчас популярны».

Она смеётся. «Слушай подруга, я люблю тебя и прочла бы всё, что ты написал, но ты правда хочешь писать детективы?»

— Не-е-ет, — тяну я. — Я люблю романтику. Хэппи-энды — это ведь самое лучшее что есть в литературе.

— Именно. Но после того, кого нельзя называть, у тебя был творческий спад. Я прекрасно понимаю, почему ты хотела сделать перерыв, а потом тебе было тяжело из-за смерти бабушки, но тебе нужно вернуться в игру, иначе ты забудешь, за что люди любят твои книги. Выходи в свет, влюбись.... или хотя бы несколько раз потрахайся от души. И пожалуйста ..сделай это грязно!

— Тебе легко говорить. У тебя муж под боком!, — ворчу я. — Прости. Ты же знаешь, я рада за вас. Вы для меня до-

казательство того, что «долго и счастливо» бывает не только в книгах. Вы оба придёте завтра ко мне на день рождения, верно? Ничего особенного. Я просто хочу приготовить ужин и...

Грейс улыбается: «Хватит уже! Мы не дадим тебе пропустить твой день рождения! Это первый день рождения, который мы можем отметить вместе с тех пор, как ты вернулась в мир!

Мне пора возвращаться к работе. Я отправлю тебе по электронной почте свои заметки по первым двум главам. Возможно, это поможет тебе снова почувствовать вдохновение».

Я откладываю телефон и вдыхаю аромат свежего кофе. За окном кухни шелестит весенняя листва. Позади неё виднеется стена вокруг мотоклуба, над ней возвышается крыша старой церковной школы, а за ней — церковная башня с часами. Отсюда не скажешь, что там полно байкеров, а не маленьких детей в клетчатой форме. Сразу на ум приходят Череп, Ворон и Змей. Они грубые, опасные и из тех парней, которые не взглянут на меня дважды. Меня это устраивает, но я не могу отделаться от ощущения, что мои читатели хотели бы услышать как раз о таких парнях. Они не подходят для длительных отношений, но, держу пари, с ними точно не скучно..

Жаль, что мой роман не о байкерах.

А кто мне мешает писать об этом?

Мне следовало рассказать Грейс о моей недолгой криминальной драме и о том, как сексуально они выглядели, перепрыгивая через забор, но я знаю, как она относится к тому, что «Дети анархии» полностью захватили район, где она родилась и выросла.

Что ж... да. Я не виню её, но... она не видела их вблизи. Я позволяю себе улыбнуться. Написать о том, что я знаю? Может, мне стоит поискать «вдохновение» поближе и... узнать?

Я наливаю себе вторую кружку кофе, разрываясь между физической болью от необходимости снова выходить на улицу и работать в саду и душевными муками от необходимости выдавливать из себя слова, когда они не хотят идти.

Пока я пребываю в нерешительности, раздаётся звонок в дверь, и я чуть не выпрыгиваю из своих розовых полосатых носков от неожиданности.

ВИКТОРИЯ

Что за чудовище заявилось ко мне без предупреждения? Никто больше так не делает, по крайней мере здесь. Даже сектанты, которые пытаются спасти души, в наши дни не беспокоят наш район.

Чёрт. Я не могу спрятаться в своём кабинете наверху, не пройдя через гостиную, где меня может заметить тот, кто пришёл. Я подумываю о том, чтобы сбежать и притвориться, что меня нет дома, но я настолько отчаянно хочу избежать работы над книгой, что готова рискнуть и встретиться с кем угодно у своей двери.

Сквозь окно в передней части дома и матовое стекло над входной дверью видны тени нескольких высоких фигур. Отодвинув край шторы в гостиной, я выглядываю и смотрю прямо в поразительные тёмные глаза Змея. Застигнутая врасплох, я слабо улыбаюсь. Он говорит что-то, чего я не слышу, а затем кивает в сторону входной двери, беззвучно произнося: «Открывайте, милая леди. Мы знаем, что ты там».

Должно быть, я слишком много думала о них и этим вызвала появление байкеров на своём крыльце.

Я облизываю губы и стягиваю резинку для волос с запястья, чтобы собрать волосы в небрежный хвост. На мне рабочая одежда — штаны для йоги и укороченная футболка, так что я не совсем одета для встречи с такой компанией.

Все трое здесь, и на этот раз они выглядят так, будто настроены серьёзно. Они с гордостью носят чёрные кожаные жилеты, которые выдают в них членов мотоклуба. Череп стоит ко мне спиной, и я могу рассмотреть логотип клуба на его спине: устрашающего вида череп перед какими-то механическими деталями, которые, вероятно, имеют отношение к мотоциклам. Загнутыми заглавными буквами, расположенными в верхней части рисунка, написано «Дети Анархии»

Почему-то из-за этого их визит кажется каким-то официальным.

Я поворачиваю замок и приоткрываю дверь. Нет никаких оснований полагать, что они пришли сюда, чтобы сделать

что-то плохое, но и зайчиками их тоже не назовёшь. — Я могу вам помочь?

Ворон улыбается, смягчая свои грубоватые черты. «Всё наоборот. Мы здесь, чтобы помочь тебе, милая». Его глубокий, бархатистый голос с лёгкой хрипотцой мог бы продать миллион аудиокниг.

—Помочь мне? Я не уверена. «В чём именно? В продаже дома? Как я уже говорил, мне это неинтересно.

Череп делает шаг вперёд с улыбкой на лице и кепкой в руке, как хороший мальчик, но это всё равно что наблюдать за волком, который притворяется овцой.

—Неужели так сложно поверить, что мы пришли сюда, чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке после вчерашнего?

— Честно говоря, вообще-то да, — отвечаю я, расслабляясь настолько, что позволяю двери открыться шире.

Стоит ему лишь слегка поскользнуться, как Змей кладёт руку на дверь и с лёгкостью открывает её. Все трое быстро пользуются возможностью и проникают в мой дом.

—Эй! Вы куда?

—В твой двор. Не думал, что тебе понравится, что мы просто перелезли через забор, не спросив разрешения», — отвечает Ворон, не останавливаясь.

Я проношусь мимо, чтобы перехватить их в столовой.

—Вы даже не спросили разрешения!! Выходите! я вас не звала!

Ворон смеётся.

—Мы не вампиры, детка ненадо нас бояться!

— Мне кажется вампиры были бы более воспитаны чем вы!

Они останавливаются, возвышаясь над моей маленькой столовой. По современным меркам, это небольшой дом площадью чуть больше трех сот квадратов, но он не казался таким, пока в него не вторглись эти гиганты. Дело не столько в том, что они высокие и широкие, хотя это тоже правда, сколько в том, как они держатся, совершенно не стесняясь занимать всё пространство. Блин, лучше бы они были старше, или уродливее, или ещё что-нибудь в этом роде, потому что мой мозг говорит мне выгнать их, а моя женская сущность вот-вот выскочит и спросит: «Кофе? Чай? Я?» Змей смотрит на обеденный стол, и его брови взлетают вверх.

О нет!

—Что это? — спрашивает он, беря в руки одну из дюжины идей для дизайна обложки, которые прислала Коллин.

— Ничего! Я пытаюсь выхватить его у него из рук, но он двигается слишком быстро, и пока я отвлекаюсь на него, двое других направляются прямо к остальным изображениям.

«Теневой папочка-миллионер?» — гласит надпись.

Мне хочется забиться в угол и спрятаться, но мне не так везёт.

—Это просто забавное название!

Змей поднимает его.

—Фальшивая невеста для генерального директора?

—Я писательница... — выдавливаю я.

— Ладно, да, но, чёрт возьми, феи? Череп громко смеётся.

— Мне нравится. Что ты здесь делаешь, детка чёрт возьми?

— Пишу. По крайней мере, когда не откапываю кости и не защищаю себя от вас троих. Я выхватываю у них распечатки одну за другой, сверля их взглядом. — Я писатель, ясно?

—Никогда особо не увлекался чтением, — размышляет Ворон. — Но, может, стоит попробовать ещё раз. Твои книги выглядят веселее, чем Шекспир.А в твоих книгах много секса?

Я чувствую, как румянец поднимается по моей шее и превращает лицо в помидор. Я не стыжусь того, что делаю, но прекрасно знаю, как многие отреагируют, если узнают. Мне требуется оооочень много времени, чтобы ответить. «Нет»

Череп ухмыляется во весь рот и кивает мне. «Я понял. Женские романы, это круто. Я давно заметил, что у тебя нет чёткого графика, но я подумал, что ты здесь занимаешься продажами по телефону или какой-то другой работой на дому».

То, как много он знает обо мне, когда я думала, что они не обращают на меня внимания, это немного настораживает.

—Почему ты следишь за моим распорядком дня? Неважно, чем я занимаюсь. И вообще, зачем вы сюда пришли?

Я скрещиваю руки на груди, но потом передумываю и опускаю их, когда все трое устремляют взгляд прямо на ложбинку между грудей, которая виднеется из-под футболки с круглым вырезом.

Мрачный взгляд Змея скользит по моему телу и возвращается к лицу, задерживаясь ровно настолько, чтобы я поняла: ему нравится то, что он видит. «Ты в самом центре нашей территории, конечно, мы за тобой следили».

— Не придавай этому такое злое значение, — бормочет Череп себе под нос. — Мы же не шпионим за тобой, Вика. Мы просто обращаем внимание на то, что твоя машина большую часть времени стоит здесь. Послушай, мы пришли, потому что увидели, сколько работы тебе нужно сделать во дворе, и хотели предложить свою помощь. У нас много дел в других домах, так что мы не особо расстроимся, если сделаем ещё немного. Расскажите нам о своём плане на всой двор, а мы возьмём на себя всю тяжёлую работу.

Всю мою жизнь люди меня недооценивали. Мой рост в лучшем случае метр шестьдесят пять, и меня воспитывали хиппи. Даже если я совсем не похожа на своих родителей, я всё равно выгляжу так, будто разбираюсь в кристаллах и колоде Таро. Мужчины обычно смотрят на меня и видят беспомощного зайчонка, который нуждается в их защите в большом и страшном реальном мире.

Позволить парням почувствовать себя большими и сильными альфа-самцами обычно проще и быстрее, чем убедить

их отступить, но я на собственном горьком опыте убедилась, что помощь редко бывает бесплатной. «Почему ты решил помочь? Я тебя даже не знаю».

«Разве мы не можем просто по-соседски общаться?» — спрашивает Ворон. Он хмурится, когда я фыркаю от смеха.

— Извините, я просто... Правда? По-соседски? Хорошо, мистер.....

Губы Ворона сжимаются, и он тихо рычит. Он выглядит так, будто только и ждал повода для драки, и, учитывая его шрамы и сломанный нос, я не уверена, что это не так, но он был слишком мил, чтобы меня напугать. Я очень хорошо помню, как он защищал меня, когда мне было страшно. Как он сразу подошёл ко мне и не отходил, пока мы не убедились, что всё в порядке. Я рычу в ответ, и его брови взлетают.

Они все такие разные. Череп — само очарование, но его можно взять с собой на вечеринку перед футбольным матчем, и, если он будет вести себя прилично, он отлично впишется в компанию парней. А Змей, несмотря на ауру насилия, исходящую от него, мог бы стать воплощением мечты каждой женщины о плохом парне с сомнительным с моральной точки зрения прошлым, если бы его привели в порядок и одели в костюм с галстуком.

«Послушай, я ценю твоё предложение, но я правда не собираюсь ничего особенного делать. Всё, что я хочу, — это привести в порядок двор и вскопать пару грядок, чтобы посмотреть, смогу ли я вырастить какие-нибудь овощи. Я не

собираюсь строить сарай или что-то в этом роде».

Череп вздыхает. «Тем больше причин принять нашу помощь. Ты красивая женщина, которая живёт одна на улице, находящейся под нашей защитой. Мы можем сделать всё гораздо быстрее, и если тебе удастся что-то вырастить, возможно, кто-то из наших людей захочет сделать то же самое».

—Садоводы-байкеры?» — недоверчиво спрашиваю я. Хотя... Из этого получилась бы забавная уютная детективная история. Я откладываю эту мысль на потом.

—Что в этом плохого?— спрашивает Ворон. —Единственная разница между садом и фермой — это то, сколько квадратов земли ты используешь, ведь никто не будет осуждать парня за то, что он фермер!.

Я поднимаю руки в знак извинения.

—Справедливо!

Это не значит, что я верю хоть единому их слову. Эти бандиты такие же фермеры, как я — королева Норвегии.

Но... Если они действительно готовы взять на себя тяжёлую работу, это сэкономит мне кучу времени и нервов. И мой стол действительно выходит окнами на задний двор. После их последнего визита я написала больше, чем за месяц. Есть виды и похуже, на которые можно смотреть, пытаюсь писать о сексуальных мужчинах.

Череп склоняет голову набок, его голубые глаза вызывающе сверкают.

—Так что, ты собираешься показать нам, что делать? Или

ты настолько чертовски упряма, что готова надрываться, делая то, что мы можем закончить к концу недели?—

О-о-о, от этого мне почти хочется швырнуть предложение обратно в его сексуальное самодовольное лицо, но тогда я буду выглядеть мелочной.

—Хорошо. Следуй за мной. Я покажу тебе, где лежат инструменты!— я многозначительно смотрю на них, —Я имею в виду не те инструменты о которых вы можете подумать!

 Виктория

— С днём рождения, Виктория! Добро пожаловать в последний год твоей юности! — со смехом заявляет моя подруга Грейс, поднимая бокал. Вдалеке раздаётся рёв мотоциклов, и низкий гул двигателей становится всё громче. — Со следующего года ты будешь слышать только: «Когда ты выйдешь замуж?» и «Твои яйцеклетки не молодеют, знаешь ли».

Я притворяюсь, что всхлипываю, а потом смеюсь и допиваю шампанское. Пузырьки ударяют мне в голову.

—О, пожалуйста. Если кто-нибудь спросит, я просто скажу, чтобы они проверили срок годности, когда будут целовать меня в зад!

Её муж Терри запрокидывает голову назад и искренне смеётся. «Чёрт, я хочу быть там и всё увидеть. Твои родители настаивают на том, чтобы ты остепенился теперь, когда у тебя есть свой дом?»

Чтобы ответить на этот вопрос, понадобилась бы целая бутылка шампанского, и это только испортило бы настрое-

ние. Я качаю головой. «Не совсем. Они, э-э-э... свободные люди».

Они настолько свободны, что даже не позвонили мне на день рождения. Они вечно заняты или утверждают, что где-то там телефоны не работают, но на самом деле они просто живут в своём собственном мире и им это даже в голову не приходит. Последнее, что я слышала, — это то, что они работали на курсах по медитации в Таиланде в обмен на жильё. Там проводятся занятия в прямом эфире, так что я знаю, что они могли бы связаться со мной, если бы вспомнили. В конце концов они вспомнят, но это может занять как день, так и месяц.

Грейс кладёт руку на колено Терри и сочувственно смотрит на меня. Она знает о моих родителях гораздо больше, чем он, и я подозреваю, что она расскажет ему об этом позже.

Внезапный выстрел со стороны базы «Детей Анархии» заставляет нас подпрыгнуть и пригнуться. За ним быстро следуют ещё несколько выстрелов и взрыв смеха, который служит мне сигналом к тому, чтобы расслабиться. Однако мои гости к этому не привыкли. Они явно сильно напуганы.

— Что это, чёрт возьми, было? — спрашивает Терри.

— Тут у местных байкеров есть тир! — говорю я таким тоном, будто это совершенно нормально.

Грейс в ужасе. «Они здесь стреляют? Это законно? Это просто не может быть законно».

— Наверное, нет, но когда я только переехала, я позвони-

ла в полицию, и они надо мной посмеялись. Сказали, что я могу сама с ними поговорить, если хочу. — Я делаю глоток шампанского. — Со временем привыкаешь.

— Реально? Ты смогла к этому привыкнуть? —

— Нет, не совсем конечно, но они никуда не денутся отсюда, и я тоже.

Мимо проносятся шумные мотоциклы, а затем вдалеке раздаётся ритм тяжёлый рок музыки. Я не слышу, что это за песня, но чувствую, как басы отдаются в моей грудной клетке. Терри и Грейс смотрят друг на друга, безмолвно общаясь, как это делают влюбленные, но не нужно быть гением, чтобы догадаться, о чем они сейчас думают.

Грейс ставит бокал на стол. «Может, нам стоит пойти домой. Уже довольно поздно...»

— Да ещё даже не полночь.... Они нас не побеспокоят», — умоляю я, но по их лицам вижу, что они хотят поскорее убраться из подальше от этих байкеров.

— Она права, — извиняющимся тоном говорит Терри. — Мы всё равно не могли бы остаться допоздна. У меня утром смена. С тобой точно всё будет в порядке? Если хочешь, можешь поехать с нами и переночевать у нас на диване?.

Заднее стекло дребезжит от выстрелов, раздающихся в ночи. Грейс прижимается к Терри, и он обнимает её. Готов поспорить, что Череп, Ворон и Змей там отрываются по полной, пока я пытаюсь провести приятный вечер в свой день

рождения. Уроды! Я собираюсь их убить.

—Нет-нет, я в порядке. Это же просто шум! —

Полагаю, я должна быть благодарной «Сынам анархии» хотя бы за то, что они подождали до конца ужина, прежде чем нарушить мой покой.

После ухода Грейс и Терри в доме становится совсем пусто. Не желая ложиться спать, я начинаю убираться и чуть не разбиваю тарелку, нервно пытаюсь загрузить посудомоечную машину. Тем временем на холме веселятся байкеры, как будто им нет дела до всего остального мира. Я сжимаю кулаки и смотрю в заднее окно. Обычно, когда они шумят, я надеваю шумоподавляющие наушники и прячусь в своей комнате с книгой, но меня действительно бесит, что надо мной издеваются в мой собственный день рождения.

Вот почему я не доверяю им, когда они приходят сюда, изображая из себя милых мальчиков- зайчиков, которые хотят мне помочь. Ведь на самом деле всё совсем не так. Они ведут себя так, будто весь район — их собственность, и никто другой тут не имеет права голоса! И неважно, что я то и есть, по сути, единственный «другой», кто остался в этом районе. Я ведь всё ещё здесь, не так ли?

Полиция их не тронет. Формально они ничего не нарушают. Тир находится на их территории на законных основаниях. Так кто же тогда может на них повлиять?

Я беру ключи и иду по улице, охваченная эмоциями и не имея чёткого плана, кроме как выяснить, что кто-то ещё так

же раздражён, как и я. Мои пальцы сжимаются в кулаки, и мне всё равно, насколько это сейчас глупо — идти разбираться с байкерами из-за шума в пятницу вечером.

Но, несмотря на всю свою ярость, я уже начинаю трусить, когда заворачиваю за угол на следующую улицу и вижу ряд байков, припаркованных вдоль тротуара, а также байкеров и их девушек, которые тусуются под уличными фонарями перед зданием клуба.

Черт! Это было очень глупо. О чём я только думала когда сюда приперлась?

Но я вспоминаю самодовольную ухмылку Черепа. Они где-то там, он, Змей и Ворон, наверное, пьют и веселятся с со своими полураздетыми телками, ни о чём не беспокоясь.

Я смотрю прямо перед собой, проходя мимо парня, который прижимает женщину в мини-юбке к стене, окружающей их участок. Судя по его ворчанию и её ободряющим возгласам, я догадываюсь, чем они занимаются. Прямо здесь? Серьёзно? Эти люди явно живут в своём собственном безумном мире. Несколько человек смотрят на меня, но никто ничего не говорит и не пытается меня остановить. И я сейчас почти жалею, что они этого не делают.

Будь это одна из моих книг, я бы поступила так: героиня врывается внутрь и высказывает всё, что о них думает. Но есть проблема: хоть мне и нравится писать о сильных женщинах, я сама нечасто так поступаю.

У ворот, прислонившись к стене, разговаривают два здо-

ровенных байкера. По тому, как их зоркие глаза всматриваются в темноту, становится ясно, что они стоят на стреме. Один из них, высокий мужчина с длинными тёмными волосами и густой чёрной бородой, выходит вперёд, когда я приближаюсь.

—Привет, красотка. Давно тебя не видел. Куда направляешься?—

Его тон непринуждённый, даже немного дружелюбный, но я ни на секунду не верю, что он позволит мне пройти мимо, не ответив.

В блестящем чёрном коктейльном платье, в котором я была на ужине, и в белых кроссовках, потому что это была первая пара обуви, которую я нашла у двери, я определённо выглядела так, будто собралась куда-то, но уж точно не на эту вечеринку.

—Я... э-э... пришла на вечеринку?—

Он приподнимает бровь. «Ты сейчас спрашиваешь или отвечаешь?»

— Впусти её, Риот. Если только ты не думаешь, что от неё будут проблемы, — говорит другой с фыркающим смешком. У него бритая голова, и он такой же крупный, как его друг, если даже не больше.

— Заткнись, Фрэнк. Беда приходит в самых разных обликах. Ты же, чёрт возьми, знаешь.

— Да, да, — отмахивается Фрэнк. — В чём дело, милая? У тебя здесь мужчина?

— Н... не совсем, но Череп, Змей и Ворон где-то здесь я полагаю? Я...

Риот щёлкает пальцами и указывает на меня.

— Вот почему ты кажешься мне знакомой. Ты та девчонка из уголовного дома! — он оглядывает меня с головы до ног. — Милое платье, но ты уверена, что хочешь пойти с нами на вечеринку? Не думаю, что это будут коктейльные посиделки, к которым ты привыкла!.

Двери церкви распахиваются, и из них, пошатываясь, выходит женщина. Её каштановые волосы собраны в эффектную причёску, а обтягивающая рубашка наполовину расстёгнута. Байкер следует за ней по пятам. Она смеётся и на высоких каблуках бежит по траве. Он быстро догоняет её и перекидывает через плечо, запуская руку под её короткую юбку.

— Это, э-э... всё в порядке, — запинаясь, говорю я. — Я не останусь. Я просто хотел поговорить с ними о.. — я теряю нить разговора, когда замечаю хаос внутри церкви. — Этот шум...

Фрэнк сгибается попалам и смеётся так сильно, что едва может дышать.

— Чёрт возьми. Впусти её. Давно я так не смеялся! —

Риот ухмыляется, как будто это самая смешная вещь, которую он когда-либо слышал. «Тогда давай. Покажем им».

Это ужасная идея. Благодаря свежему воздуху и адреналину я уже протрезвела настолько, что поняла, насколько я сейчас не в своей тарелке. В то же время где-то в глубине ду-

ши у меня теплится женское любопытство, которое заставляет меня двигаться вперёд. Если я хочу написать что-то новое, мне нужно выйти из зоны комфорта, и это мне кажется как раз тот случай.

Я был в этой церкви один или два раза, когда был ребёнком. Моя семья никогда не была особо религиозной, но в школе время от времени устраивали ярмарки и барбекю, на которые бабушка брала меня с собой, и я несколько раз была в этой церкви. Снаружи она выглядит примерно так же как все католические церкви Европы и Америки. Я поднимаюсь по лестнице в оцепенении, всё вокруг кажется мне незнакомым. Снаружи она почти не изменилась, но внутри — это храм Диониса и Эроса, богов вина и страсти. Я вхожу в двери и оказываюсь в их святая святых, словно Алиса, спотыкаясь, проходит сквозь зеркало, и попадает в зазеркалье.

Из колонок гремит хэви-метал, заглушая шум толпы людей, которые танцуют, пьют и бог знает чем ещё занимаются. Старые скамьи в основном убрали, но некоторые всё ещё стоят, сдвинутые в сторону. С потолка свисает диско-шар, отражающий пульсирующий свет и отбрасывающий радужные блики на витражные окна церкви. На большом экране сзади идёт футбольный матч, а за алтарём в передней части церкви вместо креста висит гигантский баннер с логотипом Сыны Анархии. Над ним — чёрная кожаная байкерская жилетка, а под ней — барная стойка с различными видами алкоголя.

Но то, что находится на алтаре, привлекает моё внимание и заставляет замереть на месте: женщина с длинными фиолетовыми волосами танцует под музыку в одном лишь откровенном нижнем белье. Её глаза закрыты, на лице улыбка. Она расстёгивает бюстгальтер и, подразнив публику, бросает его в толпу. Высокий мужчина с бритыми висками и татуировкой на голове ловит его в воздухе и ликует. Другая его рука в повязке, похоже, он недавно получил травму.

А ведь раньше здесь была церковь!

Стриптизерша открывает глаза и улыбается байкеру, протягивая руку и жестом приглашая его подойти ближе. Я не свожу с неё глаз, как и он. Я направляюсь к ним, пока он пробирается вперёд. В её абсолютной уверенности есть что-то, что завораживает даже меня. Я не знаю, хочу ли я быть такой, как она, или просто иметь такое же полное пренебрежение к тому, что кто-то может обо мне подумать.

Байкер гладит её ноги, пока она извивается в такт музыке. Очевидно, здесь можно не только смотреть. Её бёдра двигаются в форме восьмёрки так плавно, что мне хочется спросить, как она разогревается перед танцами. С каждым медленным тактом музыки она опускается всё ниже и ниже, пока её промежность не оказывается прямо перед его лицом.

Я не могу отвести взгляд. Он сдвигает её трусики в сторону и...

Мозолистая рука сжимает моё плечо.

Я тихонько вскрикнула и обернулась. — Я просто...

Зелёные глаза Ворон весело блестят, когда он смотрит на меня сверху вниз. — Что ты просто...?

Лицо моё горит, я качаю головой, как ребёнок, которого поймали за просмотром непристойных картинок на семейном компьютере. Я пришла сюда, чтобы... зачем именно я сюда пришла? Пожаловаться руководству клуба на шум? Неудивительно, что парни у ворот смеялись надо мной. — Ничего. Я, эм..., искала одного из вас!

Змей пробирается сквозь толпу, чтобы подойти к нам. Он заметно выделяется ростом даже среди высоких мужчин. Он скрещивает руки на груди и оглядывает меня с ног до головы, задерживая взгляд на моём платье. Его длинные тёмные волосы взъерошены и распущены, а на правом предплечье виднеется глубокий порез, которого не было, когда я видела его в последний раз. — Ну, ты нас нашла. Что ты здесь делаешь, Виктория?

— Тут не так весело, когда врываются в твой дом, не так ли? — парирую я.

Ворон фыркает.

Да, в моей голове это звучало логичнее.

Змей делает шаг вперёд и оказывается так близко, что я чувствую резкий запах леса и мыла, исходящий от его кожи.

— Я спрашиваю, потому что, когда хорошенькая девушка красиво наряжается и врывается на одну из наших вечеринок, каждый мужчина здесь думает только об одном, — шепчет он мне прямо в ухо. — О том, чтобы её трахнуть. Так в

чём дело, детка ? У тебя зуд, который нужно уталить?»

Стриптизёрша позади меня издаёт долгий, низкий стон, в котором столько удовольствия, что я почти чувствую его вместе с ней. «Чёрт возьми!» Я открываю рот, но не могу произнести ни слова. Будто кто-то украл воздух из моих лёгких и оставил меня сгорать от любопытства и тяжёлого, тёплого чувства, которого я не испытывала уже очень давно. Вожделения. Но всё происходит слишком быстро. Одно то, что я нахожусь в таком месте, уже выводит меня из зоны комфорта. Мысль о том, что люди могут смотреть на меня и думать, что я здесь ради извращений, приводит меня в ужас.

Я знала, что я фальшивка, что я хочу писать горячие, непристойные книги, но, думаю, и я полагала, что это будет похоже на писательство о сказочных драконах и магии. Я думала, что буду придумывать на ходу, но, может, мой бывший всё-таки был прав. Девушке, которая занималась сексом только в темноте, лучше писать о том, что исчезает в темноте. Как я могла перенести на страницу книги такую необузданную энергию которую я сейчас вижу и заставить читателей поверить в это?

— Виктория? — раздаётся позади голос Череп, он посмотрел на Змея. — Отвали, чувак. Она чертовски напугана.

— Чёрт, для того, кто пишет о сексе, ты слишком болтлива. — Змей отходит, и я снова могу дышать.

Эти слова задевают меня за живое и заставляют защищаться.

—Когда я пишу, я думаю о чувствах, а не о физиологии!.

— Это значит, только одно: что ты неправильно занимаешься физиологией, детка!, — с ухмылкой говорит Ворон.

— А вы прямо спецы в этом? — усмехаюсь я.

Все трое смотрят на меня так, будто я говорю глупости.

— В смысле?

Череп облизывает губы, он улыбается и в его голубых глазах появляется злобный огонёк.

—Да, так и есть. Пока ты была хорошей девочкой, сидела дома и училась, мы тут работали не покладая рук. Если хочешь по-настоящему испачкаться, милая, то ты обратилась по нужному адресу! —.

Уважаемые читатели, пожалуйста, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора! Это жизненно необходимо для написания книги!

Глава 2

Виктория

— Ты... Ты действительно думаешь, что можешь меня чему-то научить? Я делаю шаг назад, и в этот момент чья-то рука скользит по моей ноге и забирается мне под платье. — А-а-а! Я отшатываюсь от незнакомца и снова оказываюсь в лапах знакомых мне демонов.

Ворон усмехается и притягивает меня к себе, положив руку мне на плечо. «Первый урок. Змей, может, и мудак, но он прав. В ту же минуту, как ты вошла сюда, не будучи заявленной ни одним мужчиной как чьей-то подругой, ты стала законной добычей для любого».

— То есть любой может делать со мной всё, что захочет? — в ужасе спрашиваю я. — И у меня нет выбора?

— У тебя был выбор не входить в эти чёртовы двери и не играть с монстрами, если ты считаешь нас монстрами, — смеётся Змей.

— Нет! Я просто... Ну, я не знаю, что и думать, — тихо признаюсь я.

До того, как я с ними познакомился, я вообще не воспринимал байкеров как отдельных личностей. Они были просто «Сынами вне закона». Бандой преступников, находящихся на грани закона, а может, и за его пределами, которые пришли и постепенно захватили весь район. Бабушка мало

что рассказывала мне об этом, потому что была упряма как осёл и не хотела меня беспокоить, но от Грейс я знаю, что несколько раз всё становилось совсем плохо. Настолько, что около четырёх лет назад её семья в спешке продала всё и уехала.

Череп качает головой. «Расслабься, брат. Она ничего о нас не знает, но, может быть, пришло время это исправить».

Он обхватывает моё запястье и отводит меня от Ворона к алтарю. Девушка с фиолетовыми волосами полностью обнажена. Одна её босая нога стоит на мраморной столешнице, а другая перекинута через плечо байкера, чьё лицо уткнуто между её бёдер. Она с энтузиазмом засовывает язык в рот второму мужчине, а её пальцы водят по пряжке его ремня, желая большего.

— Как тебе кажется, похоже, что у неё нет выбора? — спрашивает Череп, показывая мне на всю эту вакханалию.

Я качаю головой. Первое впечатление может быть обманчивым, но я бы солгала, если бы сказала, что она выглядит так, будто ей сейчас некомфортно в собственном теле. И она чувствует себя более свободной, чем когда-либо в жизни.

— Я не могу представить, чтобы я сделала что-то подобное!

— Даже представить себе не можешь? — Горячее дыхание Ворона обжигает мою шею. — Ты пишешь такие книги. Готов поспорить, что еще как можешь. Отбрось все представления о том, чего ты должна или не должна хотеть. Здесь

не действуют внешние правила и предрассудки. Если бы ты прямо сейчас опустился на колени и отсосал у меня, никто из присутствующих и глазом бы не моргнул.

Как только он произносит эти слова, я уже не могу не представлять, как ритм музыки наполняет мои вены и как он проникает в меня через мои губы.

— Но люди будут смотреть! — тихо говорю я.

— И тебе бы это не понравилось? — спрашивает Ворон, проводя рукой по моей шее и слегка сжимая её. Его большой палец нежно касается моей вены. — Или ты боишься, что тебе это понравится? Не думаю, что ты так уж шокирована происходящим, как сейчас притворяешься.

Из моей груди вырывается тихий всхлип.

Змей встаёт передо мной, и я вижу только его. На его лице настороженность, как будто он не знает, что обо мне думать.

— Я спрошу ещё раз. Зачем ты пришла сюда сегодня вечером, Виктория? Что ты искала? Красивое платье надела, это ведь неспроста!

Он проводит тыльной стороной пальцев по моей обнажённой груди, чуть выше круглого выреза, который достаточно глубокий, чтобы показать ложбинку между грудей.

— Ты надела его для нас? — сказать им, что я пришла сюда, чтобы пожаловаться на шум, было бы глупо. Да и правда ли это? Конечно, я была расстроена и раздражена, но в

глубине души, когда я слушала из звуки их вечеринки, сидя в одиночестве в своём доме, всё звучало иначе, ведь здесь были не просто безымянные, безликие люди. Я могла уже представить, как они втроём веселятся, и это было... совсем другое ощущение.

Я чувствовала, как по моему телу бегут мурашки, но вслух я сказала:

— У меня сегодня день рождения!

Голова Змея дёргается. Не думаю, что он ожидал услышать такое.

— И ты была совсем одна? Ты что, реально нарядилась для нас?

— Нет! Боже мой! Я не это имела в виду... — я качаю головой и нервно смеюсь и оправдываюсь: — Я ужинала с друзьями, но они рано ушли.

— Так рано? Неудивительно, что ты хотела устроить вечеринку. Ты слишком трезвая для своего дня рождения!

Ворон берёт меня за руку и ведёт через толпу у алтаря в заднюю часть церкви, где установлен бар. Он достаёт четыре рюмки — все разные — и щедро наливает в них виски. «Сколько тебе лет, милая?»

— Двадцать четыре. Я тянусь за рюмкой, но он отводит её в сторону.

Череп прикладывает пальцы к губам и свистит так громко, что его слышно даже сквозь музыку и шум вечеринки. «У нас тут, блин, именинница!»

Все в зале поднимают головы. Даже парень, уткнувшийся лицом в ноги стриптизёрши. Раздаются одобрителные возгласы, а затем люди начинают скандировать. «Выстрел, выстрел, выстрел!»

«Ты хочешь сделать это обычным способом или по-весёлому?» — спрашивает Ворон.

Я знаю, что они сочтут меня занудой, если я скажу, что это нормально, но я боюсь того, что такие парни, как они, подразумевают под словом «веселье». По моему опыту, обычно это что-то, что кажется смешным всем, кроме меня.

Змей наклоняется и убирает мои волосы с уха, чтобы прошептать: «Доверься нам».

Тот факт, что это говорит Змей, заставляет меня задуматься. Есть сотня причин, по которым я бы не стал им доверять, в основном связанных с соблюдением закона, но в данном случае я киваю. «Хорошо, а какой способ самый интересный?»

— Выбери кого-нибудь из нас.

Я указываю на Змея. «Ты».

— Я? — Кажется, он удивлён, хотя сам же и посоветовал мне довериться им.

Я киваю. Из них троих он, кажется, меньше всего склонен меня дразнить.

— Хорошо. Не сводя с меня глаз, он опускается на колени и берет стакан у Ворона. Откинув голову, он подносит стакан к губам и ждет. Из-под воротника его рубашки словно

выползает чернильная змея, обвивает шрам на шее и исчезает в его темной бороде.

Сердце бешено колотится, я сглатываю. «Что мне делать?»

Череп направляет меня так, чтобы я оказалась прямо перед Змеем. «Обхвати губами бокал, как будто собираешься его поцеловать, а затем встань с бокалом в руке и сделай глоток, не касаясь бокала, пока не закончишь».

— Не знаю, смогу ли я, — говорю я достаточно тихо, чтобы, надеюсь, меня услышали только они.

Ворон ухмыляется. «Не думай об этом слишком много. Это же чёртова вечеринка. Не в первый раз здесь проливают алкоголь на пол».

Правильно. Не стоит слишком много размышлять об этом. Ха! «Слишком много» — это, вероятно, моё второе имя. Это всего лишь гипотеза. Можешь считать это исследованием для книги.

Я наклоняюсь вперёд, прекрасно осознавая, что, может, и не весь зал, но часть людей всё ещё наблюдает за нами. Глаза Змея сначала закрыты, но он открывает их, когда я оказываюсь достаточно близко, чтобы почувствовать запах виски и его кожи. Когда такой мужчина, как он, стоит на коленях и ждёт, что я сделаю свою часть работы, я чувствую себя немного могущественной.

Не думай, Виктория. Не думай. Не думай.

Я приоткрываю губы и быстро обхватывает ими край ма-

ленького бокала. Мои волосы рассыпаются вокруг нас, и я касаюсь его носа своим. На мгновение остаёмся только мы вдвоём, а потом я встаю, пока не струсила. Виски обжигает язык и стекает в горло. Мне почти удаётся сделать это аккуратно, но в последнюю секунду я не могу сдержать кашель и в отчаянии выхватываю бокал изо рта, чтобы не обрызгать всех.

Все вокруг нас поднимают бокалы. Кажется, никому нет дела до того, что у меня слезятся глаза, а по подбородку стекает виски.

На моём лице застыла глупая улыбка.

— Я сделала это!

— Да, чёрт возьми, так и есть! Ворон опрокидывает свой бокал и поднимает его в мою честь. — Двадцать четыре, чёрт возьми!

Змей встаёт. Он демонстративно разминает челюсть, но затем подмигивает и делает глоток, тоже поднимая свой бокал.

— За Викторию, — говорит Череп. — С днём рождения тебя, детка, чёрт возьми.

Через какое-то время я перестаю следить за тем, что пью, и просто стою рядом с ними и даже немного танцую, пока мы наконец не оказываемся в задней части церкви на одном из их потрёпанных, но удобных диванов. Я оставляю кроссовки на полу и поджимаю под себя ноги. Я потягиваю коктейль под названием «Пчелиные колени» с лимоном и мёдом. Я

никогда его не пробовала, но, судя по всему, он нравится одной из здешних девушек, и я понимаю почему. В церкви стало тише, но людей по-прежнему довольно много. С одной стороны от меня сидит Ворон, положив руку мне на бедро, а с другой — Череп, положив руку мне на плечо. Змей сидит в кресле напротив нас. Они о чём-то болтают, но я не особо прислушиваюсь, просто оглядываюсь по сторонам и что-то болтаю!

С другой стороны церкви женщина с огненно-рыжими волосами только что опустилась на четвереньки. Перед ней стоит один байкер, а другой занимает позицию позади неё. С этого ракурса я ничего не вижу, но и так понятно, что происходит. Я стараюсь не смотреть, но сосредоточиться на чём-то другом невозможно.

Находиться здесь — всё равно что попасть в альтернативную реальность, где возможно всё. Мой мозг уже давно оцепенел от шока. Поэтому мне легко задавать вопросы, о которых я, вероятно, пожалею утром. «Ребята, вы...» Я киваю в их сторону.

Череп оглядывается.

— Что ты имеешь в виду?

— Не сегодня, чувак, у меня голова раскалывается, — говорит Ворон, шевеля бровями. — Если только ты сама не просишь, красотка. Он сжимает мою ногу.

Череп отмахивается от него. Змей фыркает и делает глоток из своей пивной бутылки.

Моя редактор книги Коллин сказала мне, что мне нужно выбрать между любовным треугольником и групповым сексом в книге, пока они не начали готовить промоматериалы. Я склонялась к любовному треугольнику, но теперь не уверена.

От одного этого слова энергия между нами меняется.

— Такое тут часто случается! — осторожно говорит Череп. — Тебе это интересно?

— Исключительно для моего исследования, — уточняю я. — Ну, знаешь, я же собралась писать про это книги.

Змей кивает.

— Понятно!

«Наверное, это одна из тех вещей, которые лучше выглядят в теории, верно? Например, у кого куда пойдут руки? И нужно ли играть в камень, ножницы, бумагу, чтобы решить, кто что делает в сексе втроём? Готов поспорить, что это требует больше усилий, чем кажется.

Рука Ворона перемещается на моё бедро. «Дорогая, я не уверен, что ты сейчас в состоянии это обсуждать».

Я пытаюсь сесть, но это требует слишком больших усилий, поэтому я снова откидываюсь на спинку дивана. «Потому что я пьяна?»

Пальцы Черепа скользят по моим волосам. «Да, потому что ты пьяна, а мы хоть и не животные, но всё же мужчины».

«Я думал, ты хочешь научить меня, как не париться по пустякам», — самодовольно говорю я.

Его пальцы сжимаются, впиваясь в мой затылок. Он поднимает моё лицо, чтобы я посмотрела на него. Я испуганно вздыхаю, и мои соски твердеют. Звуки секса, доносящиеся из комнаты, служат постоянным фоном. Я чувствую, что Ворон и Змей наблюдают за происходящим, ожидая, что будет дальше.

«Тебе нужно идти домой, малышка. Иди домой и ложись спать, пока не сделала чего-нибудь, о чём потом пожалеешь».

«Стала бы я? Жалела бы я об этом?» — передразниваю я Змея.

Череп с любопытством склоняет голову набок.

— Что это значит?

— Ничего, — отвечаю я и улыбаюсь ему пьяной улыбкой.

— Да эта тихоня дразнит нас! — удивлённо говорит Змей.

Я слишком откровенна, во мне говорит алкоголь. Я чувствую это, но не могу остановиться.

— Хочешь правды, байкер? Ладно! У нас с тобой сейчас будет секс!

Ворон смеётся.

— Вот это поворот!

— Да ладно? Вы, ребята, постоянно о сексе говорите, но я поверю в это, только когда увижу всё сама! — огрызаюсь я.

Череп усаживает меня к себе на колени и запускает пальцы в мои волосы. Его голос звучит мягко, но опасно.

— Ты играешь с огнём, детка!

— Да-да, одни разговоры...

Не успеваю я опомниться, как его губы уже впиваются в мои, а язык проникает между моими губами и овладевает мной. В этом поцелуе нет ничего нежного или робкого. Я задыхаюсь, мои пальцы впиваются в поношенный хлопок его рубашки под жилетом, притягивая его ближе. Череп прикусывает мою нижнюю губу. Острая боль приводит меня в чувство. Я вскакиваю с его колен, увеличивая расстояние между нами.

Он хрипло усмехается.

— Пойдём, именинница. Пора домой!

Не могу понять, испытываю ли я облегчение или разочарование.

Змей

— Отвали. Я ни хрена тебе не скажу. — Наш почётный гость отворачивается и сплёвывает, оставляя на полу большую каплю слюны и крови.

У него изуродовано лицо, но, должно быть, выводить людей из себя для него не привыкать. Мы взяли его и ещё одного парня, когда они были с группой, которая вчера пыталась устроить нам засаду во время передачи товара. Их всех перебили, и «Чафик» получил товар целиком, но кровь пролилась не только их кровью, они ранили некоторых из нас. Моя рука до сих пор болит, когда я её поворачиваю.

— Чувак, ты только что натворил дел. Теперь какому-ни-

будь бедолаге придётся всё убирать. — Я хватаю его за воротник и впечатываю лицом в стену, после чего он сползает на пол и продолжает сверлить меня взглядом. — Давай начистоту. Ты не хочешь здесь находиться, а мы не хотим, чтобы твой вонючий труп вонял здесь.

Он может выглядеть крутым ублюдком, но я вижу пустоту в его налитых кровью глазах. Мы оба знаем, что он всадил пулю в одного из наших парней, и, если не случится чуда, он отсюда не выйдет. Джинсы промокли от крови из колотой раны в верхней части бедра. Я бы отдал ему должное за то, что он продержался так долго, но я почти уверен, что он просто сейчас под кайфом и не чувствует боли. Я выглядываю из камеры. Ворон и Призрак играют в покер.

— О чём ты думаешь? — спрашивает Призрак, глядя на меня. Он хладнокровный ублюдок, но хорош в своём деле, и именно поэтому он меня тренирует.

Я жду, не скажет ли мне что-нибудь моя совесть. Не знаю, как это повлияет на мои шансы в загробной жизни, но пока мой внутренний голос ничего не говорит.

У этого ублюдка слишком много седины в сальных волосах и глубоких морщин на обветренной коже, чтобы притворяться невинным ангелом. Он знал, на что идёт, когда садился на свой мотоцикл и решил с нами связаться. Единственная причина, по которой он не наложил в штаны, — это то, что наш парень попал ему в плечо, а не в грудь.

— Думаю, если он не хочет говорить, нет смысла его дер-

жать!

Изучая свои карты, Призрак кивает.

Точно зная, что это значит, Ворон бросает на него взгляд, а затем снова сосредотачивается на игре. Он беспощаден в бою и не стал бы переживать из-за убийства того, кого нужно было прикончить еще давно, но у него не тот характер, чтобы допрашивать пленных.

Выражение лица Черепа мрачное. Он кладёт карты на стол и подходит к камере. Он выглядит расслабленным, но по тому, как он держится, я понимаю, что он готов нанести удар, если придётся. Здесь, внизу, в окружении вони мочи и крови, он совсем не похож на беззаботного шутника из нашей команды. Он закалился в окопах бесполезной войны за тысячи миль отсюда, и недавнее повышение до офицера заставило его вспомнить об этом.

Он смотрит на парня сверху вниз и толкает его ботинком. «Есть что сказать напоследок? Скажи нам, чья это была блестящая идея встать у нас на пути, и, может быть, мы оставим тебя в живых».

Он скалит свои розовые от кариеса зубы.

— Да хрен вы меня оставите в живых!

— Да, ты, наверное, прав, — соглашается Череп. — Но, может быть, твой приятель сможет уйти.

Сквозь прутья решётки в камере напротив на нас смотрит тощий, напуганный парень из той же группировки. Он выглядит так, будто ещё не начал бриться, но мы отобрали у

него пистолет и несколько ножей, когда забирали его. Я его изобью, если это поможет защитить моих братьев, но я надеюсь сломать его психологически, позволив ему посмотреть, как мы пытаем этого ублюдка. Это не самое приятное занятие, но иногда оно необходимо.

— Кончай с ним, — говорит Череп, и его голубые глаза становятся холодными.

Услышав приказ, наш заключённый в последний раз мобилизует все свои силы. Он вскакивает на ноги и отталкивает Черепу с дороги. Я понятия не имею, куда он собирается идти, даже если ему удастся проскочить мимо нас, но он действует чисто инстинктивно, без рационального мышления. Я хватаю его прежде, чем он успевает выбраться из камеры, прижимаю к стене и приставляю ствол пистолета к его виску.

— Иди к чёрту, — выплёвывает он кровь мне в лицо.

— Ты первый. Я нажимаю на спусковой крючок.

Парень кричит почти так же громко, как и отдается эхом от стен выстрел, но я не отвожу взгляд. До тех пор, пока тело не содрогается в последний раз, когда его жизненные системы отключаются, и он не падает на пол. Я на секунду закрываю глаза, добавляя тяжесть его смерти к своей душе, или к тому, что от нее осталось. Я ни о чем не жалею, но эта груда мертвого мяса была рождена с тем же потенциалом добра и зла, что и все мы, и в том, какой жизненный путь он выбрал, он виноват сам.

Меня отвлекает звук рвотных позывов. Парень прислонился к стене, подперев лоб рукой, его лицо цвета незрелого помидора. Он отшатывается от двери, когда видит, что Череп направляется к нему.

— Ты готов сейчас заняться этим парнишкой?

— Я могу заниматься этим весь день!

— Нет, пожалуйста, не надо... не спрашивай меня ни о чём. Просто... не надо.

Череп открывает камеру, протягивает руку, вытаскивает парня за шиворот и толкает его в мою сторону. — Что мы будем делать, решать тебе, придурок. Если ты будешь умницей и расскажешь нам всё, что знаешь, возможно, ты не закончишь так же, как твой друг!

Он вздрагивает и тихо всхлипывает. Если присмотреться, можно сказать, что ему не больше двадцати. — Гарри не был моим другом!

Я хватаю его за плечо и швыряю на стул всего в метре от Гарри. «Да, тогда ты ему ничего не должен. Как тебя зовут, парень?»

- Мое прозвище Пастырь!

Громкое имя для тощего парня. Если у него в голове больше мозгов, чем у того парня, то, возможно, он вырастет и станет кем-то. Я ловлю взгляд Призрака, и мы без слов понимаем друг друга. В этом парне есть страх Божий, значит, до него можно достучаться! Пора закручивать гайки и давить на него.

— Можешь начать с того, что расскажешь мне, какого черта ваша команда придурков пришла вчера на нашу стрелку. Нам это совсем не понятно!

— Я... Мы не знали, что это будут «Сыны Анархии». Ходили слухи, что появилась возможность грабануть байкеров во время крупной сделки. Казалось, это будет легко. — Он ворчит, когда я достаю нож и прижимаю его острие к его груди, надавливая достаточно сильно, чтобы он почувствовал, но не настолько, чтобы ему было больно... Пока.

— Чушь собачья. Группа, с которой ты был, была чертовски хорошо организована. Ты знал, когда и где нужно было быть, и это после того, как на наших ребят напали всего пару дней назад во время похожей операции. Конечно, я могу поверить, что ты не знал, с кем связываешься, но у тебя были подробности операции. Такие подробности, которые требуют знания из первых рук. Так что хорошенько подумай. Когда ты впервые услышал об этой возможности напасть на нас? Кто начал говорить об этом и кто собрал всех вместе? Потому что либо нас подставили, либо тебя.

«Мне здесь скучно, — ворчит Ворон. — Призрак, блин, с тобой даже в карты играть скучно!».

Призрак сухо усмехается. «Я не виноват, что ты играешь как бабуля».

Череп скрещивает руки на груди и просто сверлит его взглядом.

— Я просто выполнил то, что мне велел Гарри, — говорит

Пастырь, всхлипывая. Я поворачиваю нож. — Клянусь чем хотите! Послушайте, пока вы, ребята, сидите здесь за своими стенами, не всем из нас так легко живётся, понимаете? Я иду туда, куда мне говорят, и делаю то, что мне говорят, потому что, если я этого не сделаю, кто, чёрт возьми, даст мне шанс сделать что-то ещё, чтобы заработать на жизнь? Он сказал мне, что у него есть связи в «Шакалах» и что он замолвит за меня словечко, если я докажу, что чего-то стою!

Нам-то хорошо? Приятно слышать.

ть. Но молодой человек не совсем неправ. Окружающие смотрят на нас как на людей, которые не смогли найти своё место в обществе. Они считают нас неудачниками, которые не смогли вписаться в систему. Они не понимают, что такие организации, как наша, находятся на вершине иерархии жестокого мира, который существует параллельно с их миром, а не под ним. Как и в их мире, иногда важно не только то, что ты знаешь, но и то, с кем ты знаком.

— Ты рискнул и теперь расплачиваешься за это. Хочешь доказать, что ты чего-то стоишь? Тогда тебе нужно набраться смелости и начать думать своей головой!

Глаза Пастыря сверкают. Ему это не понравилось.

— Ни один гребанный клуб не захочет видеть в своих рядах идиота. Подумай, парень! — Я указываю на тело, которое истекает кровью на полу камеры неподалёку.

— Если бы у него были хоть какие-то связи, он бы носил нашивку и был в целости и сохранности за своими стенами.

Он использовал тебя и таких же идиотов, как ты, которые так стремятся проявить себя и не думают своей башкой. Ты знаешь больше, чем думаешь. Видишь это? Хочешь узнать, каково это? — спрашиваю я, закатывая рукав и показывая ему глубокий порез на руке.

Я хватаю его за запястье и прижимаю лезвие ножа к его коже.

— Нет. Пожалуйста! — Он дрожит от напряжения, стараясь не вырвать руку и не причинить себе настоящую боль. — Я... Гарри разговаривал с Боуном на днях в «Даймонд-клубе». Я мало что слышал, но они были очень воодушевлены. Гарри даже купил выпивку. Он говорил, что нам просто нужна группа поддержки, чтобы мы могли нагрянуть и навести порядок.

— Кто такой, чёрт возьми, Боун? — рычит Череп.

«Он посредник. Если у тебя есть что-то, что ты хочешь купить или продать, поговори с Боуном, и он либо возьмётся за это, либо найдёт того, кто возьмётся». Слова слетают с его губ так быстро, что он запинается.

Я вытираю лезвие ножа о его джинсы и убираю его обратно в ножны. «Хорошо. Видишь, как легко, оказывается, думать головой?... Это Гарри связался с Боуном или наоборот?»

— Э-э... я... я не знаю. Я... подожди! Должно быть, Боун позвонил Гарри, потому что обычно мы встречаемся в другом месте!

— Боун был с тобой вчера?

Пастор качает головой.

— Нет, он занимается только сбором информации!

— Кто-то из вас знал, как с ним связаться?

— М-может быть? У меня нет его номера, но если ты поспрашиваешь, он найдётся. Скорее всего, у кого-нибудь в «Даймонд Клубе».

Череп толкает меня в плечо. «Давай. Отнесём это в «Хеллфайр».

— А что с ним? — бесстрастно спрашиваю я, указывая на Пастора, который выглядит немного нездоровым.

Череп пожимает плечами. «Как хочешь».

Я обхватываю пальцами шею парня и наклоняюсь, чтобы посмотреть ему в глаза. «Я оставлю тебя здесь и посмотрю, улучшится ли твоя память. Может быть, это даст тебе время подумать о том, какой, чёрт возьми, ты хочешь видеть свою жизнь, когда всё это закончится». Ворон сбрасывает карты и отодвигает стул.

— Наконец-то! Пойдём. Я чертовски голоден, а здесь во-няет!

Взяв парня за шею, я тащу его обратно в камеру и забрасываю туда. Он вздрагивает, когда захлопывается стальная дверь, но больше всего он, кажется, рад тому, что всё ещё жив.

Призрак машет нам рукой.

— Я приберусь и проверю, всё ли заперто.

— Спасибо. Когда я выхожу, по спине у меня пробегает жуткая дрожь. Я, чёрт возьми, не суеверен, но я научился доверять своей интуиции, а она подсказывает мне, что эта ситуация обернётся для меня большими неприятностями.

Уважаемые читатели, не забывайте ставить звездочки и подписываться на автора. Это жизненно необходимо для написания книги!

Глава 3

Виктория

Я уже много лет не получала такого удовольствия от писательства, даже несмотря на то, что после вчерашней вечеринки моя голова была словно набита старыми носками. Я сижу и ёрзаю на стуле, поджав ноги под себя. В моем левом глазу пульсирует тупая боль, и мне уже полчаса как нужно в туалет, но слова льются рекой, и я не хочу вставать и прерывать процесс своего творчества. Моя героиня Рэйчел заблудилась в незнакомом районе, и единственные, кто может ей помочь, — это трое привлекательных, но подозрительных мужчин, которые недавно переехали в соседний дом.

В моём первом наброске из трёх мужчин был только один парень, и я планировал раскрыть, что на самом деле он был полицейским под прикрытием, но... Это же всё равно вымысел, верно? Почему бы просто не оставить плохих парней плохими парнями?

Так, наверное?

Надеюсь, моя редактор Коллин согласится, потому что моя муза сейчас настроена очень решительно.

На заднем дворе моего дома Череп без рубашки и с голым торсом измеряет длину сада. Он появился минут десять назад, и мне становится всё труднее и труднее сосредоточиться. Я то и дело поглядываю в окно, хотя мне нужно сконцен-

трироваться на том, как Рэйчел прижимают к стене и целуют до тех пор, пока она не может ни думать, ни тем более сопротивляться. Мои щёки краснеют, пока я пишу и снова переписываю эту сцену. В этом месте та Виктория, которая жила во мне до вчерашнего дня, опустила бы занавес и предоставила бы всё воображению читателей, но это новая Виктория, и новой Виктории нужно придумать, как испачкаться и при этом не умереть от смущения.

Она чувствовала его — что? Член? Нет-нет, слишком просто. Стальной, твёрдый, атласный — фу, слишком вычурно. Пенис — ни в коем случае, я же не на пособие по медицине пишу...

Я захопываю ноутбук и отодвигаюсь от стола. Как только я встаю, каждая клеточка моего тела начинает требовать внимания. Я спешу в ванную, чувствуя покалывание в ногах, и, закончив, беру обезболивающее, а по пути обратно к столу снова наполняю бутылку водой.

Из свободной спальни, которую я использую как кабинет, открывается хороший вид на весь двор, и я потягиваю воду, наблюдая за тем, как Череп бродит вокруг по двору. Солнце только что выглянуло из-за дома и освещает землю, пробиваясь сквозь листву старых кленов, которые растут у меня во дворе. Наблюдая за ним с безопасного расстояния, я могу смотреть сколько угодно, и одно ясно: он очень приятен моим глазам. Он явно занимается спортом, но не качается, как качки, а просто... У него классически красивое тело. Его

джинсы обтягивают ягодицы так, будто порой сильно страдают от разлуки с хозяином. Я облизываю губы.

Стоит ли мне предложить ему что-нибудь выпить? После того как я вчера вечером вломился к ним на вечеринку и после того, что я видела и делала, предложить ему чашку кофе или газировку было бы несложно. Но стоит ли мне притворяться, что последнее, что я им сказал, — это то, что я не считаю секс чем-то особенным? И что я не помню, как они предлагали мне доказать, что я неправ?

Я зажмуриваюсь и всхлипываю от стыда...

Виктория, соберись. Вы оба взрослые люди. Просто поинтересуйся, не нужна ли ему помощь.

Как и я.

Нет! Выпить. Да, предложу ему выпить.

Задняя дверь с грохотом захлопывается за моей спиной. Череп поднимает голову. Как только он меня видит, его лицо озаряется, и он широко улыбается, как будто я только что сделала его день. Когда в последний раз кто-то так на меня смотрел?

Он поднимает руку и машет и кричит из глубины двора.

«Доброе утро. Как твоя голова? Чувствуешь себя нормально?»

— Я сегодня немного вялая, но в остальном всё в порядке, спасибо. Чем ты занимаешься? Я не знала, что ты уже начал. — Я оттягиваю свою футболку вниз. Может, мне стоило переодеться? Я так привыкла ходить в своей обычной спортив-

ной одежде, что мне даже в голову не пришло, как я сейчас перед ним выгляжу... И, блин, я даже без обуви. Я смущённо зарываюсь пальцами в траву.

— Я пока просто делаю замеры. Ты сказала, что хочешь расчистить пару грядок, и я подумал, что лучше всего будет взять немного досок, чтобы немного приподнять грядки и сделать бордюр, чтобы потом не мучиться с прополкой. Он делает несколько пометок в телефоне и убирает его в карман.

— Кажется, в сарае есть какие-то доски. Я собирался всё перебрать, но в доме и так полно работы, где нет жуков и паутины. Сейчас я тебе покажу.

Я осторожно пробираюсь через лужайку. Заднюю часть двора я оставила в запустении, проложив лишь тропинку к газонокосилке и инструментам.

— Я был удивлён, увидев тебя вчера на вечеринке, — тихо говорит он у меня за спиной. — Не думал, что тебе нравятся такие места!

— Думаешь, ты знаешь, что мне нравится? —

Его смех низкий и сексуальный. «Давай посмотрим. Ты умная, красивая и к тому же писательница, живёшь здесь одна. Готов поспорить, ты окончила школу с отличием и поступила в какой-нибудь модный гуманитарный колледж!»

— Э-э, это очень лестно, но нет, нет и ещё раз нет. — Я снимаю с сарая бесполезный ржавый замок. Он нужен только для того, чтобы двери не распахивались. — Видишь? Там, под потолком, куча старых досок и прочего хлама.

Тёплая рука ложится мне на бедро. «Хм, когда Змей и Ворон вернутся с дежурства у врат, мы сможем просмотреть это и понять, можно ли что-то использовать».

— Конечно, всё, что здесь есть, можешь использовать как считаешь нужным!

Он стоит так близко, что мне трудно думать, и я двигаюсь слишком быстро, спотыкаясь о банку с краской. Я протягиваю руку, чтобы ухватиться за него и не упасть, а он пытается меня поймать. Мы неловко падаем вместе, и в итоге я тяну его за собой. Сильная рука обвивает мою талию, притягивая меня к его груди, а другой рукой он прижимает нас обоих к стене, увешанной разными инструментами и мелочами, которые мои бабушка и дедушка собирали годами.

— Чёрт! — выпаливает он, морщась и прижимая руку к себе, когда мы снова встаём.

— Дай посмотрю! — я хватаю его за руку и тяну к себе, разворачиваю его ладонь и раздвигаю пальцы, чтобы увидеть глубокую рану.

Он с шипением всасывает воздух сквозь зубы.

— С рукой всё в порядке. Я уберу хлам, когда вернусь!

— Пойдём. — Я беру его за запястье, насколько могу дотянуться, и тяну к своему дому.

— Это просто порез, Виктория. Его даже зашивать не нужно.

— Да, да. Ты смелый и сильный парень. Ты произвел на

меня впечатление! Можешь быть спокоен! — Я закатываю глаза. — А теперь пошли обработаем рану! У меня тут есть раковина и всё необходимое для оказания первой помощи. Давай, не упрямься.

Он усмехается, но позволяет мне вести его.

«Если хочешь поиграть в доктора, как в детском саду, я не против. Я покажу тебе свою писю, если ты покажешь мне свою...» Я делаю вид, что не обращаю внимания, как он придушивается. Кажется, мой дом его интересует больше, чем его кровоточащая рука.

«Ты что-нибудь изменила здесь с тех пор, как переехала? Или здесь по-прежнему всё как было при бабушке?»

— Что? Ты думаешь, я сама выбрала рамку для обоев с цыплятами? — Я оставляю его сидеть на стуле в кухне и иду за необходимыми вещами в ванную. — Тебе повязку с динозавром или с розовыми сердечками?

— Знаешь. Кажется, кровь уже остановилась! — кричит он.

— Давай выбирай!

Немного подумав, он отвечает: «Динозавры». Он так уверен в своём ответе, что я не могу сдержать смешок. Типичный мальчишка.

Я поддвигаю стул и придвигаюсь к нему так, чтобы мои колени оказались между его коленями, а его рука лежала у меня на коленях. Он снова резко втягивает воздух, когда я протираю порез салфеткой, но не жалуется. Я не вижу ни-

чего страшного, порез не очень глубокий, поэтому я обрабатываю его антисептиком и вытираю излишки влаги, прежде чем наложить повязку.

— Знаешь, я мог бы сделать это сам, — тихо говорит он.

«Двумя руками это делать проще». Я беру его руку в свою и провожу пальцами по тыльной стороне его ладони. Между пальцами засохла кровь. «Как ты это сделал?» Я протираю его руку салфеткой со спиртом и хмурюсь, когда мне придется приложить усилия, чтобы смыть всю кровь.

— Не знаю. — Он осторожно отводит руку и подцепляет указательным пальцем мой подбородок, заставляя меня посмотреть на него. Несмотря на грубую кожу, прикосновение у него нежное. Я смотрю прямо в голубые омуты его глаз, в которых так легко утонуть. Его губы изгибаются в озорной улыбке.

Между моих бёдер разливается густой, жидкий жар, когда я мысленно возвращаюсь к событиям прошлой ночи.

— Вот она, — говорит он, и от его глубокого голоса у меня по коже бегут мурашки. — Девушка с прошлой ночи. Он наклоняется, не давая мне опустить подбородок, так что наши губы оказываются на расстоянии не больше пары сантиметров друг от друга. Я с трудом сглатываю, нервничая, но не желая, чтобы он отстранился.

— Я... я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Да, так и есть. — Его горячее дыхание обжигает мою щеку. Мне кажется всё, к чему мы сним прикасаемся, просто

горит. Если я сейчас не остановлюсь, то на что я соглашаюсь? На поцелуй или на что-то большее?

Я даже не пытаюсь отодвинуться от него.

Тихонько победно усмехнувшись, он еще немного поднимает мою голову и прижимается губами к моим. Они мягкие, намного мягче, чем я это помнила, и это резко контрастирует с его мозолистыми пальцами и колючей бородой. Он дразнит меня языком, скользя рукой по моей челюсти и затылку, а затем обхватывает мою голову и притягивает к себе.

Я потеряна. Никто и никогда не целовал меня так, собственнически, так, что мне хочется, чтобы он был моим, пусть даже только на время поцелуя. Крепко зажмурившись, я встречаюсь с ним языком, наслаждаясь тем, как мы игриво дразним друг друга. Мы ласкаем друг друга губами, пока у меня не кружится голова, и я не отстраняюсь, вцепившись в его бедра, чтобы не упасть.

Его голубые глаза потемнели и стали как грозовое небо, а на лице появилось голодное выражение, словно он представляет, как я буду выглядеть обнажённой, лёжа на столе, чтобы он мог со мной поиграть. Черт! Это уже просто мои фантазии. Я подношу пальцы ко рту, наслаждаясь ощущением его губ, и смотрю на него широко раскрытыми глазами, тяжело дыша.

Что мы делаем? Влюблёна ли я в этих преступников которые живут со мной по соседству!

«Считайте это уроком номер один», — говорит он с улыбкой.

Я отдёргиваю руки и встаю. «Я взрослая женщина. Мне не нужны уроки». Отвернувшись, я открываю шкафчик рядом с холодильником и достаю стакан. «Хочешь воды или чего-нибудь ещё? Я хотела предложить тебе чего-нибудь попить ещё до того, как ты порезался!»

Череп следует за мной, прижимаясь грудью к моей спине. «Думаю, да». Он забирает у меня бокал и ставит его на место. «Может, я и ошибся, и у тебя нет престижного диплома, но я чертовски уверен, что ты слишком умна и любопытна, чтобы не задаться вопросом, прав ли я был прошлой ночью».

— Это по поводу чего?

— Я том, что мы можем показать тебе, что ты чертовски много упускаешь в плане секса, которого заслуживаешь. Такого секса, о котором пишут в книгах».

— Я...это... — я хотела ему возразить, а потом подумала: а что меня останавливает? Я же никого не предаю. Я не только одинока, я здесь почти никого не знаю. Единственное, что мешает мне взять жизнь за яйца (в данном случае в буквальном смысле), — это какой-то дурацкий страх осуждения меня какими-то людьми».

Стук в окно избавляет меня от необходимости принимать какие-либо решения здесь и сейчас. Мы оба оборачиваемся и видим, что в окно заглядывает Ворон, а Змей ходит и осматривает двор. Он выглядит любопытным, но не настоль-

ко, чтобы я подумала, будто он видел, как я собирался забраться прямо на колени к Черепу.

— Просто подумай об этом, Виктории. Хорошенько подумай. — Его голос становится тише и хриплее. — Сегодня вечером в клубе будет спокойнее. Мы можем заехать за тобой и показать тебе всё, не отвлекаясь ни на что.

— Может быть,.... я не уверена.

Он склоняет голову набок и поднимает бровь. «У тебя есть планы на седняшний вечер?»

— Нет, я просто...

«Тогда увидимся около восьми». Он подмигивает и выходит через заднюю дверь, оставляя меня бездыханной, растерянной и возбуждённой.

— Это что только что произошло?» — спрашиваю я у пустой кухни.

Виктория

«Боже мой, Грейс. Что мне надеть?» Я положила телефон на комод, чтобы она могла видеть меня, пока я роюсь в шкафу.

Её раздражённое фырканье отчётливо слышно через динамик телефона. «Я ещё не решила, хочу ли я тебе помогать».

«Я сказала, что мне жаль, что я не предупредила тебя о том, что была там прошлой ночью».

— Да, и я оставляю за собой право пока не прощать тебя.

И даже если бы я тебя простила, я считаю, что это плохая идея. Это не то же самое, что когда я навещала тебя в Нью-Йорке и мы встретились в баре с теми металлистами с крутыми татуировками. Я знаю, что они хорошо выглядят, я замужем, а не слепая, но, черт возьми, они «Сыны Анархии». За последние пару лет я видела столько статей о расследованиях их преступной деятельности. Не так давно у побережья взорвалась целая яхта, и все знают, что это дело их рук.

«Я...» Я не могу оправдывать свои поступки. Наверное, она права, но... «Ты с ними не знакома. Они на самом деле такие милые!»

— Я ведь уже не смогу отговорить тебя от этого шага, верно? — Я ведь уже не смогу отговорить тебя от этого, верно?

— Нет. — я прижимаю к груди струящуюся блузку с вышитыми цветами и смотрюсь в зеркало.

Она видит это и фыркает.

— Фу! Ты действительно хочешь надеть это?!

— Хорошо. А как насчет джинсов? Я меняю их на обтягивающую ярко-розовую футболку.

— А что на тебе было надето вчера вечером?

— Чёрное платье, в котором я была на ужине, и мои кеды.

— Только ты могла согласиться на свидание с бандой байкеров, одетой как школьница!

— Это не свидание. Это экскурсия!

— Ага, конечно. Ну тогда сразу стало понятно: почему

это происходит посреди ночи, а ты переживаешь из-за своего наряда!

— Ладно, я немного развлекаюсь! Это что, преступление? Общение с этими парнями возвращает мне боевой настрой, Грейс. Я знаю, что они не пара для брака, но они вдохновляют меня на написание моей книги, и это уже хорошо, не так ли?

Я натягиваю свои любимые джинсы с высокой талией, которые подчёркивают крошечную жемчужину в моём пупке.

— Да, подруга, это так. Я рада, что ты счастлива. Я знаю, что прошлый год был тяжёлым: сначала тебе изменил этот урод Кристи, а потом ты потеряла бабушку. Если для того, чтобы двигаться дальше, тебе нужно переспать с байкером, то так и сделай, но только будь осторожна, хорошо? Ты не так часто бываешь в таких местах, чтобы знать, каково это.

— У кого-то из вас был негативный опыт общения с байкерами? — спрашиваю я прямо. — Потому что, если вы скажете мне, что они вели себя сексистски, расистски или просто ужасно по отношению к вам или вашим знакомым, клянусь, я сразу же разорву с ними все связи.

Всё её лицо морщится, образуя складки на увлажняющей маске для кожи, которую она носит.

— Насколько мне известно, они не представляют опасности для окружающих и не проявляют агрессии. Однако, учитывая их статус преступной организации, нахождение рядом с ними может быть чревато неприятностями для тебя.

«Я тоже об этом беспокоюсь, — признаюсь я. — Но, думаю, я слишком осторожничаю, и мне нужно это, чтобы напомнить себе, что мне всего двадцать четыре года. Через пятьдесят лет я смогу рассказать эту историю своей внучке, понимаешь?»

В то лето у меня был роман с опасными байкерами на заднем дворе. Я ухмыляюсь.

— Хорошо, но напиши мне, когда вернёшься домой, ладно? Я хочу убедиться, что ты жива, прежде чем ты ляжешь спать, иначе я притащу туда Терри, чтобы мы могли тебя спасти, а если ты забудешь и я увижу, как в твоём окне подпрыгивает голая задница байкера, я сделаю фото, напечатаю его на кружку и никогда тебе этого не прощу!

Я смеюсь, рассматривая себя в зеркале. Как я выгляжу сейчас, это байкерский шик или как обычная домохозяйка? Я даже не знаю.

— Ага, — охотно соглашается она, а затем меняет тему и начинает рассказывать о своём заклятом враге на работе, пока я делаю макияж.

Я поправляю стрелки на глазах, и тут раздается звонок в дверь. «Боже мой, они пришли».

«Будь осторожна, хорошо? И веселись на здоровье». Грейс машет рукой и улыбается, но это не помогает ей избавиться от тревожной складки между бровями.

— Я так и сделаю. Люблю тебя! Я почти сбегая по лестнице, но у входной двери останавливаюсь, чтобы сделать глу-

бокий вдох. Я не знаю, чего ожидать и чего они будут ожидать от меня. Готова ли я к этому?

Есть только один способ узнать. Я делаю глубокий вдох и открываю дверь. По ту сторону я вижу их всех троих в кожаных куртках и джинсах. Их мотоциклы стоят в ряд на улице. Ворон сидит на перилах крыльца, а Череп и Змей разговаривают. Они поднимают головы, когда я открываю дверь, и я вижу, что они удивлены.

— Чёрт, ...детка! — говорит Ворон, тихо присвистнув.

Череп протягивает руку и задевает кольцо в моём пупке.

— Мило, мне это нравится!

Змей кивает. Он не произносит ни слова, но в его глазах читается искренняя мужская признательность.

— А вы как думали?! — говорю я с ухмылкой.

Я не знаю, куда смотреть. Когда я впервые их встретила, со мной был Ворон, но с тех пор я выпила из пасти Змея и дважды поцеловалась с Черепом. Мне кажется, я должна решить, кто мне больше нравится, но байкеры, похоже, очень спокойно относятся к сексу и женщинам, так что, может быть, мне стоит поступить так же и просто посмотреть, что будет.

— Ты так и будешь стоять? — Ворон лукаво улыбается, приподняв одну бровь. — Я знаю, что мы хорошо выглядим, но ты продолжаешь так пялиться, и мы никуда не пойдём, кроме как обратно за эту дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.